

УДК 930.2

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-114-125

## Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в письмах К.П. Победоносцева к Е.Ф. Тютчевой

Ольга С. Суржик

*Московский областной архивный центр,  
Москва, Россия, olga-surzik@yandex.ru*

*Аннотация.* В статье отражено осмысление К.П. Победоносцевым событий Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он подметил духовное разделение общества в условиях вызовов военного времени. В основе его лежала христианская совесть личности либо ее духовная пассивность. Война 1877–1878 гг. разделила русское общество на искренних деятелей, готовых пожертвовать своей жизнью, имуществом, временем, формальной репутацией ради веры, царя, отечества, страждущих ближних, и на тех, кто предпочел облечься в своекорыстие и скепсис, прикрывшись равнодушием и инструкциями. Чем больше формализации в деятельности должностного лица, тем более вреда и менее эффективности. Фаворитизму и воровству подобный порядок не вредил. Чем меньше работы за совесть, ради любви к ближнему и исполнения своего долга перед Богом, тем больше необходимость в страхе перед наказанием. С другой стороны, чем более деятельность должностного лица формализована, тем больше страх ответственности при проявлении инициативы. В общественной деятельности военного времени мыслитель также видел разделение на скромных подвижников и шумных демонстративных личностей, которые, действуя напоказ, больше вредили делу. С другой стороны, по мнению К.П. Победоносцева, война пробудила многие спавшие в народной среде силы.

*Ключевые слова:* К.П. Победоносцев, Е.Ф. Тютчева, Русско-турецкая война, Красный Крест, благотворительность

*Для цитирования:* Суржик О.С. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в письмах К.П. Победоносцева к Е.Ф. Тютчевой // История и архивы. 2021. № 2. С. 114–125. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-114-125

## The Russian-Turkish war of 1877–1878 in the letters of K.P. Pobedonostsev to E.F. Tyutcheva

Olga S. Surzhik

*Moscow Regional Archive Center, Moscow, Russia,  
olga-surzhik@yandex.ru*

*Annotation.* The article reflects K.P. Pobedonostsev's understanding of the events of the Russian-Turkish war of 1877–1878. He noticed the spiritual division of the society in the face of wartime challenges. It was based on the Christian conscience of the individual, or its spiritual passivity. The war of 1877–1878 divided the Russian society into sincere figures who were ready to sacrifice their lives, property, time, and formal reputation for the sake of faith, the Tsar, the Fatherland, the suffering neighbors, and into those who preferred to put on self-interest and skepticism, and hide behind indifference and instructions. The more formalized an official's activities are, the more harmful and less effective they are. Favoritism and theft were not harmed by this order. The less work you do for your conscience, for the sake of loving your neighbor and fulfilling your duty to God, the greater the need for fear of punishment. On the other hand, the more formalized an official's activities are, the greater the fear of responsibility when taking the initiative. In the social activities of wartime, the thinker also saw a division into modest ascetics and noisy demonstrative personalities, who, acting for show, were more harmful to the cause. On the other hand, according to K.P. Pobedonostsev, the war had awakened many forces that were sleeping in the people's environment.

*Keywords:* K.P. Pobedonostsev, E.F. Tyutcheva, Russian-Turkish war, Red Cross, charity

*For citation:* Surzhik, O.S. (2021), "Russian-Turkish war of 1877–1878 in the letters of K.P. Pobedonostsev to the E.F. Tyutcheva", *History and Archives*, no. 2, pp. 114–125, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-114-125

Константин Петрович Победоносцев вошел в историю как обер-прокурор Святейшего Синода, государственный и церковный деятель, правовед, наставник и советник двух последних самодержцев, распространитель церковно-приходского просвещения, защитник православной веры, церковности, самодержавной монархии, ученый и благотворитель. Как человек осведомленный, деятельный и неравнодушный, он остро реагировал на события современности [Суржик 2012, с. 33–236]. Переписка с Е.Ф. Тютчевой с 1866 по 1882 г., из которой опубликована лишь незначительная часть, представляет собой интереснейший источник. Письма, как правило,

передавались нарочным, поскольку корреспонденция Победоносцева подвергались перлюстрации, выписки из нее сохранились в фондах ГА РФ. При отсутствии угрозы попадания писем в чужие руки Победоносцев повествовал о событиях и их осмыслении очень подробно и откровенно. Эпистолярные источники 1876–1878 гг. отражают события надвигавшейся и идущей Русско-турецкой войны.

Осенью 1876 г. Победоносцев отмечал разногласия и разрозненность в русской среде в Сербии, в то время как англичане устраивали там свои военные и санитарные отряды. Его огорчали дряблость воли, осуждение искреннего патриотизма в высшем обществе:

Сколько видишь людей, относящихся ко всему делу с какою-то иронией, с каким-то злорадством скептической мысли, неверующей в дело, которое пущено в ход. А затем еще – сколько равнодушных сибаритов так называемой цивилизации, которые презрительно смотрят на все народное движение, и ничего не делая сами, все и всех осуждают<sup>1</sup>.

Осудить легче, чем сделать. Этим осуждающий отгораживается от проблемы, уклоняется от ответственности. Тогда деятельность человека совестливого, трудолюбивого и ответственного, привыкшего думать не столько о своей выгоде, сколько о деле, становится невыносимой. Поэтому Победоносцев жаловался, что изнемогает от «многообразных трудов» и «нравственной ноши» ввиду отсутствия разделения труда. Умеющий делать что-либо, делает все. «Какие только дела на меня не сваливаются неожиданно-негаданно. А иной раз и сам берешь, потому что душа не терпит»<sup>2</sup>.

В тревожном предчувствии войны Константин Петрович писал: «Помилуй нас и управи нас, Боже! Пошли нам, Боже, то единство духа, мысли и решения, которого недостает у нас»<sup>3</sup>. Через четыре дня после объявления войны, 16 апреля, Победоносцев отмечал подъем патриотизма в «московской» и народной среде и «кислое» насмешливое равнодушие правящей верхушки: «Кончилось недоумение – война объявлена, война загорелась. Совершилось нечто священное и торжественное, но душа не покойна»<sup>4</sup>.

Сведения с театра военных действий были скудны и доходили медленно. Нередко источником информации для Победоносцева служили английские газеты, журналистка О.А. Новикова периодически присылала «новости из Англии», в том числе брошюру

<sup>1</sup> ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 11. Л. 39–39 об.

<sup>2</sup> Там же. Л. 49–49 об.

<sup>3</sup> Там же. Д. 12. Л. 15 об.

<sup>4</sup> Там же. Л. 16.

Мак-Ивера, которую Константин Петрович опубликовал<sup>5</sup>. В июле 1877 г. он писал об отсутствии верных сведений с фронта и о дурных слухах из Болгарии – «турки бьют нас». Он признавался, что «со времени Крымской Кампании... не испытывал такого волнения и стеснения духа»<sup>6</sup>.

В начале июня 1877 г. мыслитель в письмах к Тютчевой критиковал не только и не столько западных «друзей», сколько прозападные либерально настроенные силы и индифферентную массу высшего общества, которая примыкала к противникам власти при военных неудачах. «Вокруг слышно такое шипение врагов наших, столько затаенной злобы, столько ненависти противу всего русского, столько крупного и мелкого своекорыстия. И чувствуешь, что стоит нам пошатнуться, как все это на нас бросится»<sup>7</sup>. При этом находилось немало британцев, сочувствовавших славянам, осуждающих лицемерную политику своего правительства, равнодушие ко злу и невинному страданию. Победоносцев в сентябре 1876 г. сообщал своей корреспондентке об англичанине, приехавшем в Россию «прямо с большого славянского митинга» и привезшем брошюру «очень горячо и благородно написанную маститым ветераном британской политики» Уильямом Гладстоном. Автор уполномочил своего соотечественника издать ее в русском переводе и «продавать в пользу славян». Помощь в издании изъявили желание оказать Т.И. Филиппов и Славянский комитет. «Разумеется, для ускорения работы значительная доля ее пала на меня, и я только что окончил перевод половины: другую половину переводит проф[ессор] Бестужев-Рюмин, и, по всей вероятности, сегодня же она поступит в печать»<sup>8</sup>. Речь идет о брошюре «Болгарские ужасы и восточный вопрос»<sup>9</sup>.

Письма с мест военных действий и рассказы приезжающих только усиливали беспокойство Константина Петровича, вызванное преимущественно политикой власти, ее духовной пассивностью. «Наша внутренняя политика в последние годы истомила мою душу: ужасно подумать, что и в военном деле оказываются те же явления – обычай действовать на авось, нелепое представление о том, что все само собою делается по приказу, отсутствие всякой меры в расчетах и желаниях, равнодушие в выборе деятелей, рутин

---

<sup>5</sup> См.: *Мак-Ивер*. Впечатления сербской войны. СПб.: Тип. князя В.В. Оболенского, 1876. 32 с.

<sup>6</sup> ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 26.

<sup>7</sup> Там же. Л. 25.

<sup>8</sup> Там же. Д. 11. Л. 33–33 об.

<sup>9</sup> См.: [Гладстон У.Ю.]. Болгарские ужасы и восточный вопрос. СПб., 1876. 48 с.

и формальность»<sup>10</sup>. Особую трагичность эти обстоятельства приобретали в свете народного патриотизма: «Поднимаются полки, уходят новобранцы, плачут женщины и дети, молодежь рвется на войну, и думаешь: Боже, что ожидает их! На днях единственный сын Н.А. Милютина, студент, оставляет семью и идет рядовым на войну. Что за люди у нас, что за чудный народ. О, когда бы только умели вести их!»<sup>11</sup>

Дамы высшего общества принимали активное участие в благотворительной деятельности, организуя склады для нужд фронта. Их действия отчасти компенсировали недостатки работы военно-медицинского ведомства. Е.Ф. Тютчева также планировала подобную деятельность совместно с Дурново. Победоносцев одобрял ее начинание: «Благое дело, вы сумеете повести его, потому что умеете держать хозяйственный порядок»<sup>12</sup>. Константин Петрович критиковал превращение благотворительности в моду, когда во главу угла ставится не помощь ближним, а показ дорогих нарядов:

Съезжаются девицы на работу, надевают фартучки с крестом, иные из них очень добросовестны и просты, но довольно и белоручек, которые забавляются. Делайте у себя дело проще и скромнее – шмели так не у места в пчелином улье... И... как теперь противны становятся нынешние дамские туалеты – эти платья по 1000 р[ублей] каждое. Неужели по случаю войны не потянет хоть лучших женщин к исправлению ужасного обычая – роскоши? Неужели не выделится здоровое зерно нового женского общества, показать пример простоты, скромности, благоразумия? Мне противно видеть, как барышня в таком платье рассуждает о бедных или собирает пожертвования. Разве это не вопиющая ложь? Разве это не живой образ лицемерия?<sup>13</sup>

Победоносцев отмечал отсутствие правильной организации дамской благотворительной деятельности в госпиталях, где вместо помощи раненым происходила демонстрация собственной персоны:

Дамы целыми толпами нахлынули в палаты – каждая хочет сама говорить, сама раздать, что принесла, и приносит иногда сущий пустяк. Вместо того чтобы все сносить в общий запас, к сестрам, и расходовать в порядке, раздают по кусочкам – кому недостает, те в претензии. Больных перебунтовали – они стали капризны и непослушны и обвиняют больничного персонал в утайке. (Одна дама, напр[имер], принесла фунт

---

<sup>10</sup> Там же. Д. 12. Л. 28–28 об.

<sup>11</sup> ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 28 об. – 29.

<sup>12</sup> Там же. Л. 16–16 об.

<sup>13</sup> Там же. Л. 16 об. – 17.

чаю и 4 лимона и потом объявила во всех палатах на 250 чел[овек]: я вам того принесла; другая то же сделала, принесла 5 фунтов винограда)... Итак, пусть у вас в госпиталях избегают дамских нашествий<sup>14</sup>.

Дамы царской фамилии также принимали деятельное участие в деле помощи фронту. В Царском Селе работала цесаревна, которую Константин Петрович застал «посреди кройки и шитья» вместе с дюжиной царскосельских дам. Его супруга, Екатерина Александровна, работала на складе у Эдиты Раден. Дом Победоносцева также превратился в «фабрику бинтов», что стало возможным в результате продажи книг, изданных Константином Петровичем. Эдита Раден же непрестанно истощала силы «в борьбе с равнодушием одних, с канцелярским обычаем других, с застарелыми привычками оттягивать всякое дело, которое надо делать сейчас же»<sup>15</sup>.

В письме от 31 марта 1877 г. содержатся сведения о намерении сестры Е.А. Победоносцевой, Софии Александровны Энгельгардт, которая, «несмотря на отговоры... поступила в Георгиевскую общину сестер милосердия. Она способная и работает там исправно в уходе за больными, и на войну собирается ехать»<sup>16</sup>. С тех пор Победоносцевы постоянно тревожились за нее: «Она делает святое дело, но молодая девушка 23 лет, сам третий в числе таких же, и где, в Габрове, у самых Балкан!»<sup>17</sup> Ситуация усугублялась «безурядицей» в Красном Кресте. Сестры милосердия, «рассеянные в разных углах», были оставлены организацией на собственное обеспечение и нередко страдали от голода, нужды и отсутствия одежды. В январе 1878 г. по «равнодушию и неурядице властей»<sup>18</sup> Сонечка едва не погибла. Она ходила за Балканы со Скобелевым без теплой обуви, в дырявых башмаках, зашитых солдатом. Отправленная родными шуба, обувь и другие вещи, которые сама императрица взялась доставить, не дошли до нее. Когда посылали посылки для других сестер милосердия, о ней забыли. В итоге от трудов и лишений Сонечка слегла с тифом, ее выходила подруга. На фоне равнодушия властей подвиг солдат и сестер милосердия выступает еще ярче.

К.П. Победоносцев выражал радость по поводу Шипкинского дела, критикуя ошибки и самоуверенность командования:

Самая Шипкинская история смущает душу: только чудом удержались мы, только бравая грудь нашего несравненного, чудного солдата

---

<sup>14</sup> ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 43 об. – 44.

<sup>15</sup> Там же. Л. 45.

<sup>16</sup> Там же. Л. 14.

<sup>17</sup> Там же. Л. 29.

<sup>18</sup> Там же. Д. 13. Л. 1–2.

вынесла страшный, подавляющий погром. А начальственного ума нет, как нет. На позиции такой важности, на позиции, которая, как оказывается, не только не неприступна, но весьма затруднительна для обороны, оставляют 3000 человек против большой армии, знают за несколько дней, что Сулейман готовит нападение, и не шлют подкреплений; занимают одну высоту во фланге и забывают занять другую, которая господствует и над нею и надо всею дорогой от Габрова до Шипки<sup>19</sup>.

С особой теплотой и состраданием Константин Петрович писал о раненых. «Красный Крест делает свое дело, и без него было бы очень плохо раненым на руках военно-медицинского ведомства, где, не говоря уже о злоупотреблениях, все стиснуто рамкою положения, которого изменить нельзя, и оттого раненые остаются по суткам и более без пищи»<sup>20</sup>. По свидетельству Победоносцева, деятельность Красного Креста облегчала участь раненых там, где было необходимо быстрое принятие решения в нестандартной ситуации, не предусмотренной инструкциями. Соблюдение формальностей чиновниками военно-медицинского ведомства, «стиснутых рамками», приводило к тому, что раненые могли быть лишены самого необходимого. О том же сообщал Победоносцев в письмах наследнику Александру Александровичу, подчеркивая эффективность действий Красного Креста и преступную халатность чиновников военного ведомства<sup>21</sup>.

Помимо заботы о раненых Красный Крест занимался распространением литературы через склады, которыми заведовали дамы. Солдатам передавались книги, преимущественно назидательного и духовного содержания. Именно такая литература пользовалась спросом. Победоносцев реализовывал издаваемую им книжную продукцию в пользу благотворительных складов. «В пользу моск[овского] склада я готов отдать сколько угодно, если б нашелся искушенный человек, чтобы пускать книжки в продажу. Ив[ану] Сергеевичу я передал для склада 1000 экз[емпляров], и он поручил их на продажу книгопродавцу Живорёву. Я разослал книжки по разным губерниям и вообще раздаю охотно в распоряжение разных складов, только не все умеют распространять их»<sup>22</sup>. Константин Петрович просил Екатерину Федоровну узнать, «не нужно ли в московских госпиталях раздать... книжку, для чтения раненым и больным, которые, говорят, иногда нуждаются в книгах для чте-

<sup>19</sup> ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 30.

<sup>20</sup> Там же. Л. 31–31 об.

<sup>21</sup> См.: *Победоносцев К.П. Письма Победоносцева Александру III*. Т. 1. М., 1925. С. 96–99.

<sup>22</sup> ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 31 об.

ния. У меня довольно ее в запасе. Я уже много разослал по разным губерниям, хотя не много еще собрал денег; в типографии остается до 4000 экземпляров»<sup>23</sup>.

К.П. Победоносцев всегда ценил в людях решительность в деле, исполнение своего долга, а лица, уходящие от ответственности, прячась за инструкции, вызывали его острую критику. Так, в момент обвинения Александра Агеевича Абазы в растрате, выслушав объяснения, он встал на сторону деятеля и даже отправил материал о нем в «Московские ведомости»:

Им издержано больше, чем предполагалось по смете и допущены разные неисправности; но оказалось, вместе с тем, что он должен был действовать в чрезвычайных обстоя[ель]ствах, и что к первоначальному району его, на который простиралась смета, присоединился впоследствии новый, до самых Ясс, и на него легло дело неподвижное и не входившее в первые предположения, но дело громадное и первое<sup>24</sup> необходимости, т. е. эвакуация раненых в Яссах в громадных массах – дело, лежавшее на Военном Минист[ерстве], только Военное Мин[истерство] ровно<sup>25</sup> ничего не приготовило, и если бы Красный Крест не принял его на себя, то ужасы эвакуации были бы вдесятеро ужаснее. В таких обстоятельствах невозможно вменить человеку в вину некоторые неисправности, более формальные, нежели существенные, тем более что не без вины была и Исполнительная Комиссия Главного Управления, которая сама, видя предполагаемые расходы, не остановила их вовремя<sup>26</sup>.

По свидетельству Софии Энгельгардт, осенью 1877 г. работавшей сестрой милосердия одна почти на тысячу солдат в госпитале, раненых среди них почти нет, умирают от болезней и обморожений, то есть от холода и сырости при отсутствии теплой одежды. От нравственной и физической усталости у врачей опускались руки. Ежедневно в Габрово привозили по 200 человек, многие умирали в течение двух часов, многих приходилось ампутировать. При этом София Александровна не могла надивиться терпению и благодушию солдат, испытывавших тяжелейшие страдания:

Они все такие несчастные – кто без ног, кто без руки – все до единого ампутированные. Они меня любили, и я чуть-чуть не разревелась, прощаясь с ними. Но там, при докторам, было совестно, а, пришедши домой, горько-горько заплакала. Что-то с ними теперь будет, куда

---

<sup>23</sup> Там же. Л. 38 об. – 39.

<sup>24</sup> Так в подлиннике. – О. С.

<sup>25</sup> Подчеркнуто автором. – О. С.

<sup>26</sup> ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 58 об. – 59.

они денутся! Что меня удивляет, это их постоянная веселость; они не заботятся о том, что с ними будет, чем будут жить. Дала я им каждому по кисету, по Евангелию, по трубочке, перекрестила их, простила – глаза наполнились слезами, и я отошла. Они же все повторяли: «Прощай, сестрица, прощай, роденькая, век тебя не забудем, кисетики эти сохраним навсегда, и трогать их не станем, а то запачкаем. Утешь тебя Господь, как ты нас утешила... Одно наше спасение – Красный Крест: без него мы совсем бы пропали»<sup>27</sup>.

Неформальная деятельность оказывалась эффективнее деятельности, ограниченной инструкциями, и как дело менее стесненное инструкциями, и как дело любви к ближним, творимое не за страх, а за совесть. То же самое о раненых и недостатке обеспечения писал К.П. Победоносцев цесаревичу Александру Александровичу<sup>28</sup>.

Положение раненых ухудшилось с наступлением зимы, когда опьяненное известиями о победах и уставшее от тревожного ожидания общество предпочло забыть о проблемах армии. «Чичерин пишет страшные слова о положении... заболевающих солдат, лишенных всего, полураздетых. Воят: помогите теперь, теперь именно. А здесь – торжествующие триумфаторы уверяют, что ничего не нужно, и все принимают такой вид, как будто все уже кончено, и заботиться не о чем»<sup>29</sup>, – писал Константин Петрович Екатерине Федоровне 16 декабря 1877 г. Ту же проблему он поднимал в письме наследнику<sup>30</sup>.

6 сентября 1877 г. мыслитель писал о вновь закипевшем на Шипке бое: «Опять атака и массы убитых и раненых. Как ужасно! А главное, спрашиваешь – где исход из этого?.. И видишь ряд безумных ошибок, и мысль раздражается... Испытываешь такое же чувство, как в час тяжелой опасной болезни близкого человека»<sup>31</sup>. Принимая близко к сердцу происходящее, К.П. Победоносцев недоумевал по поводу открытия театров и устройства развлечений в высшем обществе, жаловался на необходимость выезжать на обеды и вечера, «в пустоте и праздном слове» участвовать в фантасмагориях, а по утрам – заседаниях, «фантасмагориях другого рода». «Надо всем этим – всегда, без перерыва, жгучая забота об исходе родного, священного дела, которым мы теперь живем и движемся»<sup>32</sup>. Он избегал

<sup>27</sup> Там же. Л. 60.

<sup>28</sup> См.: *Победоносцев К.П.* Письма Победоносцева Александру III. Т. 1. С. 76–79, 91–94, 108–109.

<sup>29</sup> ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 67 об.

<sup>30</sup> См.: *Победоносцев К.П.* Письма Победоносцева Александру III. Т. 1. С. 108–109.

<sup>31</sup> ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 43–43 об.

<sup>32</sup> Там же. Л. 70.

говорить об этом деле с духовно чуждыми людьми, чтобы уклониться от праздных равнодушных расспросов. При этом Константин Петрович отмечал, что среди всех бед войны и беспорядка «сколько спавших, раскисших сил пробудилось»<sup>33</sup>.

В письмах государственного деятеля к Е.Ф. Тютчевой содержится резкая критика политики Александра II: «Государь, по-видимому, впал в пассивное состояние – решится ли он пойти вопреки себе, взять метлу в руки, вымести прежних, взять новых людей? Во всю жизнь свою он как бы по природе – боялся способных людей, избегал их, искал ничтожества, потому что на ничтожестве легче было ему успокаиваться»<sup>34</sup>. После взятия Плевны Победоносцев негодовал: «Государь уехал из армии, осыпав наградами ослов<sup>35</sup> и негодных людей, и оставив осла<sup>36</sup> командовать армией и держать в руках судьбы ее и судьбы России... Склады Вел[иких] Княгинь превратились в сборное место дам, ищущих знатного помещения... Добрый человек – в нем сердце сказывается, но как горько в такие минуты не находить в нем самого драгоценного – воли сознательной, твердой, решительной»<sup>37</sup>. Константин Петрович писал цесаревичу Александру Александровичу об ошибках «главного военного начальства», о недовольстве великими князьями Константином Николаевичем и Николаем Николаевичем, отправлении последним солдат на верную смерть, о фаворитизме и неисполнении приказов в армии<sup>38</sup>. Кроме того, он отмечал, что Турция не стеснялась никакими международными соглашениями, им подвозили запасы, снаряды и орудия со всех сторон. Константин Николаевич запретил преследовать военную контрабанду, чтобы «не раздражать дипломатию». Е.Ф. Тютчевой К.П. Победоносцев сообщал о жалобах цесаревича на информационную изоляцию, ему ничего не сообщали о намерениях государя, а только о том, что касалось военных распоряжений по его отряду. Константин Петрович подозревал интриги против Александра Александровича на квартире главнокомандующего, цесаревна разделяла его точку зрения. При этом Победоносцев утверждал, что цесаревич не падает духом, сохраняя упование на Бога, и в своей армии любим. В начале ноября 1877 г. Константин Петрович писал об ожидании скорого падения Плевны и предвкушении окончания войны, дипломаты же «потирают себе руки и рассчитывают

<sup>33</sup> Там же. Л. 57 об.

<sup>34</sup> Там же. Л. 47.

<sup>35</sup> Подчеркнуто автором. – О. С.

<sup>36</sup> Подчеркнуто автором. – О. С.

<sup>37</sup> ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 66–66 об.

<sup>38</sup> См.: *Победоносцев К.П.* Письма Победоносцева Александру III. Т. 1. С. 52–73, 92–94.

уже мирные условия»<sup>39</sup>. 22 ноября 1877 г. он выражал беспокойство, «чем прорвется Плевенский нарыв» и судьбой цесаревича, если «осман бросится в его сторону». В письмах этого периода нередко возникает образ тумана. 28 ноября 1877 г. Победоносцев писал по поводу взятия Плевны:

Вечер водворится плачь, и завтра радость! Перспектива открывалась ужасная – турки стояли, в духе победы, за 18 верст от Тырнова. А у нас еще в Тырнове Сонечка. Бедная жена моя видела ужасы ночью и просыпалась с криком. Известия приостановились, и, по-видимому, можно было ожидать очень дурных последствий. И вдруг – сегодня в 8½ час[ов] вечера Тимашев присылает телеграмму – Плевна взят[а], Осман у нас в руках. Русское сердце сейчас подсказало, что это случилось на Знамение Божией Матери: теперь двойной будет праздник в России на этот день<sup>40</sup>.

Но после плевненской радости «наступило раздумье». «Вокруг стоит вся эта фаланга демонов, ищущих наброситься на нас, едва мы спотыкнемся, особенно английский бес... Как нам выйти на широту изо всех сетей, которые на нас отовсюду раскинуты»<sup>41</sup>. Политик опасался, что происки дипломатии разрушат русский успех, купленный такой дорогой ценой. Те же опасения Победоносцев высказывал и в письмах наследнику<sup>42</sup>. В феврале 1878 г. он делился с единомышленницей своей болью: «Горько видеть эту ложь, которая против нас воздвигается... Меня возмущает в этих англичанах это отсутствие внутренней правды и господство хищнических инстинктов, которые они называют британскими интересами»<sup>43</sup>. Победоносцев критиковал англичан за использование слов-заместителей, слов-манипуляторов, манипуляцию сознанием.

Таким образом, в письмах К.П. Победоносцева к Е.Ф. Тютчевой представлена не столько хроника событий Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., сколько их осмысление. Понимая власть как служение, нераздельное с ответственностью, видя искренний подъем патриотизма в народной среде и «московской» славянофильской части общества, он недоумевал по поводу равнодушия и насмешек во властных кругах и прозападной части элиты. И если верхние слои русского общества придерживались прозападных позиций либо оставались равнодушными, то среди англичан находились сочув-

<sup>39</sup> ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 59.

<sup>40</sup> Там же. Л. 63–63 об.

<sup>41</sup> Там же. Л. 63–63 об., 70.

<sup>42</sup> См.: *Победоносцев К.П.* Письма Победоносцева Александру III. Т. 1. С. 96–99.

<sup>43</sup> ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 13. Л. 4.

ствующие славянам люди. Война 1877–1878 гг. разделила русское общество на искренних деятелей, готовых пожертвовать своей жизнью, имуществом, временем, формальной репутацией ради веры, царя, отечества, страждущих ближних, и на тех, кто предпочел облечься в своекорыстие и скепсис, прикрывшись равнодушием и инструкциями. Чем больше формализации в деятельности должностного лица, тем более вреда и менее эффективности. Фаворитизму и воровству подобный порядок не вредил. Чем меньше работы за совесть, ради любви к ближнему и исполнения своего долга перед Богом, тем больше необходимости в страхе перед наказанием. С другой стороны, чем более деятельность должностного лица формализована, тем более страх ответственности при проявлении инициативы. В общественной деятельности мыслитель также видел разделение на скромных подвижников и шумных демонстративных личностей, которые, действуя напоказ, больше вредили делу. Таким образом, К.П. Победоносцев подметил духовное разделение общества в условиях вызовов военного времени, в основе которого лежала христианская совесть личности либо ее духовная пассивность. С другой стороны, по наблюдению мыслителя, война пробудила многие спавшие в народной среде силы.

### *Литература*

---

Суржик 2012 – *Суржик О.С.* Проблемы пореформенной России в духовно-нравственной концепции К.П. Победоносцева: дис. ... канд. ист. наук; Российский университет дружбы народов. М., 2012. 266 с.

### *References*

---

Surzhik, O.S. (2012), “*Problems of post-reform Russia in the spiritual and moral concept of K.P. Pobedonostsev*”, D. Sc. Thesis, RUDN University, Moscow, Russia.

### *Информация об авторе*

Ольга С. Суржик, кандидат исторических наук, Московский областной архивный центр, г. Москва, Россия; 141241, Россия, Пушкино, ул. Пионерская, д. 15; olga-surzik@yandex.ru

### *Information about the author*

Olga S. Surzhik, Cand. of Sci. (History), Moscow Regional Archive Center, Moscow, Russia; bld. 15, Pionerskaya St., Pushkino, Russia, 141241; olga-surzik@yandex.ru